

УДК 378

О феномене институциональных ловушек в высшем образовании при использовании цифровых технологий

On the phenomenon of institutional traps in higher education using digital technologies

Хайрутдинов Р.Р., *Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, ramilh64@mail.ru*

Мухаметзянова Ф.Г., *Институт международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета, florans955@mail.ru*

Khairutdinov R., *Institute of International Relations of Kazan (Volga Region) Federal University, ramilh64@mail.ru*

Mukhametzyanova F., *Institute of International Relations of Kazan (Volga Region) Federal University, florans955@mail.ru*

DOI: 10.34772/KPJ.2020.139.2.004

Ключевые слова: личность, субъектность, студент, институциональные ловушки, высшее образование, цифровые технологии.

Keywords: personality, subjectivity, student, institutional traps, higher education, digital technologies.

Аннотация. В статье авторами сформулированы основы понимания институциональных ловушек в высшем образовании при использовании цифровых технологий в экономическом и педагогическом аспектах на основе полипарадигмального подхода к изучаемому феномену. Раскрыта сущность институциональных ловушек в высшем образовании при использовании цифровых технологий как системы социально-экономической регуляции и образовательно-экономического феномена. Сущность институциональных ловушек в высшем образовании при использовании цифровых технологий связана с трансформациями экономического уклада в эпоху модернизации и вызовов рыночной экономики. Классифицированы доминирующие формы институциональных ловушек в высшем образовании как неэффективных социальных институтов, препятствующих нормальному течению того или иного социально-экономического процесса. Показано, что институциональные ловушки в высшем образовании особенно актуализировались в высшем образовании в период перехода к цифровым технологиям. Статья предназначена для аспирантов, магистрантов, ученых, занимающихся проблематикой институциональных ловушек в высшем образовании и цифровыми технологиями в контекстах управления этими вопросами.

Abstract. In the article, the authors formulated the basics of understanding institutional traps in higher education when using digital technologies in the economic and pedagogical aspects based on a poly paradigm approach to the phenomenon being studied. The essence of institutional traps in higher education is revealed using digital technologies as a system of socio-economic regulation and the educational-economic phenomenon. The essence of institutional traps in higher education when using digital technologies is associated with transformations of the economic structure in the era of modernization and the challenges of a market economy. The authors are inclined to the idea of understanding. The dominant forms of institutional traps in higher education are classified as ineffective social institutions that impede the normal course of a socio-economic process. It is shown that institutional traps in higher education are especially relevant in higher education during the transition to digital technology. The article is intended for graduate students, undergraduates, scientists involved in the problems of institutional traps in higher education and digital technologies in the context of managing these issues.

Введение. Актуальность рассматриваемой проблемы институциональных ловушек в высшем образовании заключается в феноменальности этого явления, его актуализации и востребованности в период

пандемии коронавируса в мире и массовым переходом различных секторов экономики, а образования, в первую очередь, на дистантные формы образования и профессиональной деятельности с применением цифровых

технологий. Изучение данной проблемы в научной литературе продолжает оставаться прерогативой ученых экономистов, но появились так же работы ученых педагогов, психологов, социологов, изучающих проблемы экономики в образовании вкупе с вопросами цифровизации и управления этими процессами. Сегодня к системе образования России в целом, и к высшему образованию, в частности, предъявляются особые требования. Однако утверждается постулат о снижении качества образования, который звучит как в средствах массовой информации, так и в академических дискуссиях и научных панелях.

Нам импонируют размышления В.В. Вольчик о том, что в современных условиях образование на всех его уровнях следует рассматривать не только как рынок образовательных услуг, но и важнейший социально-экономический институт, при помощи которого не только передаются знания (явные и неявные), но и формируется новый уровень цивилизации в эпоху массовой цифровизации [3]. Дополнительные трансформации в образовании, безусловно, добавит и период пандемии.

Образование в разные эпохи исторического развития претерпевало периоды подъёма, расцвета и спада, причем происходила иногда утрата, забывание ранее достигнутого, и даже отрицание и игнорирование. Мы согласны с Т.М. Nichols [20] в том контексте, что система образования на всех его уровнях не застрахована от наступления новых, так называемых «темных веков» во время пандемии коронавируса, который не имеет границ и национальности. Поэтому наступило время, когда следует прислушаться к мнению экспертов из сферы социальных наук (социология, философия, экономика, педагогика, психология и пр.) в плане понимания новых проблем, вызовов, рисков и новых возможностей в развитии инновационной сферы образования и науки, в особенности в системе высшего образования, и конечно, управления и коррекции этих процессов и явлений.

Деятельность и преподавателей, и студентов на всех уровнях высшего образования и научной, и научно-педагогической деятельности связана и сопряжена, прежде всего, с креативностью, одаренностью субъектов научно-образовательной деятельности и характеризуется системностью, сложностью и полипарадигмальностью в проектировании содержания, структуры и состава научно-образовательного пространства университета, в особенности магистерского пространства, на что мы указывали в своих трудах [18]. На соотношение вопросов об изучении, развитии и формировании одаренности

и креативности у субъектов образовательной деятельности, в особенности на основе технологий цифровизации указывает А.В. Морозов, и нам импонируют его размышления о соотношении этих понятий как нетождественных [13].

Представляет особый интерес то явление, что университеты, в которых осуществляется эффективное производство образовательных услуг, формируют образовательную среду и научно-образовательное пространство, в котором создается не только явное, но, и прежде всего, неявное знание или образовательное знание, которое обеспечивает качество, количество разнообразных образовательных программ, которые проектируются на основе социальных ценностей и новых цифровых образовательных технологий [3].

Новые цифровые образовательные технологии в академической среде университета в условиях проектирования научно-образовательного пространства сопряжены с вопросами генерации и использования неявного знания, которое в противоположность явному знанию менее структурировано и алгоритмизировано. Именно этот феномен, в первую очередь, обнаруживается нами при активном, массовом и некритичном, вернее некреативном использовании цифровых технологий и попадания, порой без всякого на то желания, в институциональные ловушки.

Сегодня каждый преподаватель вуза, в особенности во время пандемии и массового перехода на дистанционные формы обучения, столкнулся с феноменом цифровых технологий, касающихся передачи неявного знания, сопряженного с субъектным опытом преподавателя, индивидуальными формами передачи знаний и часто ассоциирующегося с неявными технологиями, которые не всегда могут быть выражены в причинно-следственных связях и плохо поддаются внешнему контролю, на этот феномен ранее указывали в своих работах O.Hutner, G.Krucken, G. Ninger [21]. В результате массового перехода на технологии цифровизации, не всегда адаптированные и надежные, выявилась роль неявного знания в формировании научно-образовательного пространства. Идет массовый поиск индикаторов повышения эффективности деятельности образовательных учреждений, объективности целей и показателей при использовании цифровых технологий и эффективности деятельности при этом профессорско-преподавательского состава и административного ресурса.

В российской экономической науке по отношению к процессу неэффективных, но устойчивых общественных институтов как процесса институционального равновесия, стал применяться концепт институциональных ловушек как следствия трансформации экономического уклада. На него впервые указал В.М. Полтерович, и его работа не теряет актуальности и востребованности [16]. Согласно этому автору, термин институциональная ловушка или эффект блокировки (lock in effect) сегодня воспринимается как устойчивая норма неэффективного института на основе самоподдерживающего характера. В определенном смысле, институциональная ловушка как социальный феномен может восприниматься как противоречие или рассогласование институциональных норм типа формальных и неформальных или новых и устаревших форм управления [16].

Мы согласны с Т.Д. Санниковой в том смысле, что реализация целевых ориентиров, обозначенных национальной программой «Цифровая экономика Российской Федерации», должна учитывать феномен институциональных ловушек, в которые попадает как цифровая экономика, так и ее важный компонент, образование с его массовым увлечением цифровыми технологиями [17]. Институциональные ловушки можно рассматривать как неэффективные, однако устойчивые общественные институты, которые могут препятствовать нормальному течению того или иного социально-экономического процесса как условия и результата процесса управления [8]. Действительно, в институциональную ловушку может сегодня попасть любой объект экономики, а образование - важный сектор, который находится в реформируемом институциональном пространстве [19].

Как считает А.А. Жук, институциональную ловушку в определенном смысле можно рассматривать как неэффективный институт, который долго и устойчиво функционировал и стал нормой в обществе и стереотипом и нормой профессиональной деятельности для большинства его пользователей [8].

В современной научной экономической и педагогической литературе все же нет однозначного понимания как теории, так и практики феномена институциональных ловушек. Однако, на языке метафор можно сказать о том, что не было «счастья» (нашем случае понимания этого феномена), так «несчастье помогло» (пандемия в коронавируса и переход большинства организаций на дистантные, т.е.

цифровые технологии), что привело, например, образовательные учреждения в прямое попадание в институциональную ловушку (как мышь в мышеловку с бесплатным сыром).

При этом современную институциональную ловушку в любой сфере экономики, в образовании, тем более, характеризуют ряд таких показателей, как:

- неэффективно и не оптимально функционирующий социальный институт при имитации эффективной деятельности;
- изменения всех институтов и норм функционирования при сохранении стереотипов и норм восприятия;
- адаптационное поведение рыночных субъектов при сохранении конформизма [8].

Мы полностью согласны с А.А. Жук относительно того, что институциональная ловушка в современных социально-экономических условиях рассматривается как неэффективный институт, имеющий устойчивую динамику не развития, а стагнации (застывания), вызванной динамичными и непрогнозируемыми изменениями в обществе, вынуждающими рыночных агентов приспособляться и даже мимикрировать (стараться быть похожим на лучшие образцы и стереотипы) к вновь создающимся условиям и факторам [6].

В научной литературе сегодня можно найти вариации социально-экономических феноменов, похожих или мимикрирующих под институциональную ловушку. Обозначим некоторые из них, опираясь работы ряда исследователей. Так Е.Ш. Гонтмахер к таковым относит желание свести модернизацию к материально осязаемому и точечному проекту типа Инограда в Сколково и Технополисов в разных регионах, в том числе и РТ, ограничивая модернизацию технологическими аспектами и имитациями инновационных технологий и втягивания научной элиты в дискуссии, форумы, митапы, симпозиумы, дискуссионные панели и т.п., подвергая тем самым институты цивилизации как демократия и рыночная экономика в тяжбу споров и развлекательных дискуссий [4].

В работе А.А. Баскина мы находим понимание феномена институциональных ловушек (ИЛ) как механизма инерционности на основе элементов мобилизации и ренты, приводящих к отставанию от мировых технологических лидеров и превращения страны в сырьевой придаток развитых стран, причем выхода из этой ловушки нет и пока не предвидится [1].

Вслед за вышеуказанными авторами М.Ю. Малкина сравнивает ИЛ с институтами, препятствующими развитию и относит к ним следующие разновидности [12]:

- ловушки ренты и поведения рантье и финансовых пирамид;
- ловушки догоняющего развития и копирования;
- психологическая ригидность (невежество);
- нежелание бизнеса инвестировать свое развитие;
- финансовые общественные ловушки;
- имитация инновационной деятельности (на языке метафор - это «имитация бурной деятельности») [12];
- налоговые ловушки и юридические ловушки как противоречие в формальном праве и практике применения [6;7];
- диссертационная ловушка как диссонанс в теории и практике подготовки и защиты [5;6];
- ловушки во всех уровнях высшего образования (бакалавриат, магистратура, аспирантура) [6;7];
- ловушки феномена учебно-профессиональной субъектности студента вуза [14;15].

Из этих схожих типов ловушек можно сделать вывод о неоднозначности феноменальности институциональной ловушки как социально-экономического, и в то же время, социально-педагогического феномена и трудности как их диагностирования, так и коррекции, в особенности, управления сопротивлением им.

Далее остановимся на исследовании феномена институциональных ловушек в сфере высшего образования

Методы исследования. В нашем исследовании мы использовали теоретические (анализ, обобщение, систематизация, сравнение, использование метфор) и эмпирические методы (включенное наблюдение, анализ продуктов деятельности, нарративный анализ, беседа, интервью, контент анализ, анализ СМИ и социальных сайтов).

Результаты исследования. Нами для изучения институциональных ловушек в высшем образовании был использован анализ нарративов в работе В.В. Вольчик, Е.В. Маслоковой [2]. Согласно этим авторам, излагая тот или иной нарратив, можно вскрыть нормы, правила, которым следуют субъекты и придерживаются, обозначая их как индивидуальное к ним отношение, демонстрирующих свои результаты, к которым приходят в итоге как вскрытие или рефлексия социальных и социокультурных

аспектов своего поведения и мышления в определенном контексте. Для нас нарративами послужили публикации, истории в СМИ, социальных сетях и нарративы, полученные в эксклюзивном интервью и беседах со студентами, профессорско-преподавательским составом (ППС) университетов, административным корпусом. Всего нами было изучено более 556 нарративов, полученных через социальные сети (русскоязычные варианты Фейсбук, Инстаграм, ВКонтakte) и мессенджеры (Whats App, Skype, Telegram). Мы рассматривали сообщения, которые субъекты отправляют и получают, полностью синхронизируя между телефонами.

Согласно анализу нарративов все институциональные ловушки, большинством акторов были охарактеризованы как социальные институты в целом, и в частности, как «истории с продолжением», которые по разным причинам мотивируют субъектов к отказу от активности и следования шаблонам и стереотипам поведения и администрированию.

Институциональные ловушки можно распределить в несколько групп, учитывая то обстоятельство, что любая разновидность этого феномена является частью единой системы социально-экономического и социально-политического института управления, которая по тем или иным причинам мотивирует авторов или субъектов, вернее анти-субъектов, отказываться от следования самим себе и попадать тем самым в сеть различных институциональных ловушек. В данном контексте рассуждений можно говорить о системе или сети ловушек, метафорично, сравнивая с паутиной паука, которую он плетет в нескольких местах, следуя инстинктам и преследуя жертву, но не всегда ею пользуется. В русле метафоричных рассуждений и согласно результатам наших констатаций на основе нарративного анализа выделим ряд групп институциональных ловушек.

Первую группу институциональных ловушек в сфере высшего образования можно назвать *финансовыми ловушками*, которые респонденты, согласно их нарративам, связывают с заработной платой профессорско-преподавательского состава (ППС) университета. Как было запланировано Указами В.В. Путина еще в 2012 году заработная плата ППС должна достигать до 200% от средней по РФ, однако, даже у высокорейтинговых профессоров университета она составляет чуть более 110%. Рост зарплаты ППС связывают с сокращением ставок и увеличением учебной и общественной нагрузки, например, увеличением нагрузки на ставку профессора от 600 часов до 1430 часов, из них - 900 аудиторных часов, и

выполнением на общественных началах множества обязанностей, таких как: бесплатное членство в работе диссертационных советов, экспертиза и рецензирование статей, членство в редколлегии журналов, работа в научно-экспертных советах (ВАК, Министерства науки и образования и пр.), работа в конкурсных комиссиях, подготовка бесчисленного количества отчетов и др. [6].

Работа в диссертационном совете для профессоров университета, проявляется, прежде всего, в так называемых социальных или общественно-полезных ловушках, которая порождает зачастую коррупционную емкость при защите диссертаций, несмотря на тот факт, что защита диссертаций запрещает возмещение расходов, связанных с защитой диссертации за счет соискателя как альтернативных издержек и пр. Однако, и диссертант, и члены диссовета попадают в эти ловушки, так называемые *диссертационные ловушки*, в которых запутываются все больше.

Еще одной ловушкой для ППС и молодых ученых становятся *грантовые ловушки*, ибо чтобы получить грант соискателю надо подтвердить свой научный статус (высокая публикационная активность, значительный индекс Хирша (*h-индекс*), количество публикаций в высокорейтинговых журналах систем Scopus, WoS, что не всегда удается молодому ученому, тем самым загоняя его из диссертационной ловушки в грантовую, конкурсную, коллаборационную и тому подобные ловушки.

Одной из неприглядных разновидностей финансовых ловушек для ППС университета становится ловушка должности профессора или доцента университета как типажа «неудачника», ибо сегодня переход на дистант в период пандемии позволил увидеть студентам через видеорекамеры жилищные и материальные условия ППС, которые желают быть лучшими и не имеют того лоска, который должен быть у представителей данной профессии как представителя отечественной интеллигенции и интеллектуалов с высоким рейтингом и не всегда коррелирует с его имиджем.

Отдельной группой институциональных ловушек можно считать *административные ловушки* в высшем образовании. Согласно результатам контент-анализа нарративов ППС в эти ловушки постоянно попадают те субъекты, кто по должности или велению духа взяли на себя обязанности контроля и отчета (особенно их разновидность размножилась и мимикрировала в период массового перехода университетов на дистант во время пандемии). Профессоры и

доценты должны немедленно отчитываться перед этими субъектами за проведенные занятия, заполняя справки, таблицы, презентации, немедленно реагируя на ценные указания, за которыми следуют еще более ценные указания, а на следующий день отменяются и то, и другое новыми распоряжениями и приказами, шаблоны которых так же постоянно меняются. В университете создается новый институт руководителей различных центров, лабораторий, основных образовательных программ (ООП) и проч., и, в итоге, все подчиняется всем, отвечают за все, а соответственно - никто не отвечает ни за что, ибо инициатива наказывается множеством руководителей и административным «планктоном» вуза.

Респонденты в своих нарративах на основе ассоциаций и языка метафор сравнивают административные ловушки с сетью, в которую попал административный персонал, но даже они, имея условно «клешны» (рычаги власти), не готовы их разорвать, а зачастую и не хотят, ибо имитация бурной деятельности их устраивает и становится смыслом и кредо их профессиональной деятельности.

Одним из примеров административной ловушки, в особенности для профессоров выпускающих кафедр, становится попадание ими в ловушку отсутствия базового образования, что приводит к тому, что доктор наук по специальности начинает обучаться в магистратуре или проходит профессиональную переподготовку для получения права преподавания дисциплины в рамках своего же направления подготовки. С точки зрения здравого смысла здесь нет логики, а низкая экономическая эффективность этих курсов, свидетельствует о профанации, о чем и высказали в своих нарративах более 50 профессоров университета.

Если рассмотреть административную ловушку для магистрантов и аспирантов, она просматривается в том факте, что выпускники разных направлений могут продолжать обучение в магистратуре по принципиально иному направлению. Теоретически это представляется возможным, но в практике магистерского образовательного пространства респонденты в нарративах выражают опасения о снижении качества магистерского образования и субъективных трудностях, как для студентов, так и ППС.

Другой из разновидностей административных ловушек для ППС университета, в особенности при массовом и некритическом использовании цифровых технологий, стала высочайшая степень зарегулированности контроля профессиональной

деятельности ППС, ограничение возможностей креатива и творчества на уровне декларирования и необходимости участия в бесконечном количестве заседаний. Одной из главных трудностей при борьбе с этой формой зарегулированности является то, что ППС отмечают механический перенос форм аудиторных занятий в дистантное обучение. Например, если в аудитории раньше за трибуной стоял или сидел профессор, то теперь во время дистантного обучения, студент продолжает его видеть и слышать как феномен «говорящей головы» (частая метафора в нарративах). Если во время семинарского занятия студент выступал с докладом или презентацией, то теперь студент может отключить видеокамеру и глаголить истину из видеоблога или текста книги как «дельфийский оракул» (никто его не видит, но слышит). Практически ничего не поменялось, но система ценностей образования стала резко снижаться, а авторитет профессора - падать.

Следующую группу ловушек, согласно проанализированным нами нарративам ППС, можно условно назвать *метрическими или индикаторными* институциональными ловушками в высшем образовании при использовании цифровых технологий (цифра). Необходимость контроля научной и образовательной деятельности в сфере высшего образования очевидна, необходима и актуальна, именно с этой целью разрабатываются критерии, показатели, индикаторы, рейтинги, опросы экспертов. В нарративах высказывается идея, что сегодня для университетов нужна не только прямая ориентация на количественные показатели, но необходимы и качественные показатели (качества жизнедеятельности ППС, качества научных статей и их цитирования, ориентации не на зарубежные индексы, а наши отечественные, как цитирование в РИНЦ и ядре РИНЦ и т.п.). Печальным фактом является то обстоятельство, что в эти виды ловушек попадают не только ППС, но и студенты, которые вместе со своими наставниками попадают в «беготню белки по колесу», участвуя в конференциях, в стипендиальных комиссиях, заполняя свое портфолио, порой даже безотчетно и формально пополняя свои баллы, повышая тем самым рейтинг в соревновании с другими.

Следует особо отметить, наиболее выделяемые в нарративах ППС такие институциональные ловушки, как *ловушки электронизации и цифровизации*, на которые указывают исследователи Е. Кулебякина [11], Н.Ш. Козлова [9], Н.С. Крамаренко и А.Ю. Квашин [10].

Н.Ш. Козлов рассматривает основные направления трансформации цифровых технологий в высшем образовании и планирования конкретных шагов по трансформации вузов и улучшения учебно-воспитательного процесса [9].

Например, Н.С. Крамаренко и А.Ю. Квашин рассматривают проблемы использования инноваций в высшей школе через призму психологических и организационных аспектов введения цифрового образования для избегания его превращения в «цифровой колхоз», т.е. попадания в ловушки цифровизации [10]. Сегодня в период самоизоляции студентов и ППС в вузах РФ актуализировались идеи внедрения цифровизации в образовательное пространство университета. В нарративах ППС четко прослеживаются опасения о превращении этого инновационного явления в «цифровой колхоз» - в университетах началось массовое использование онлайн-курсов, видеолекций в режиме интернет обучения с опорой на электронные программы и ресурсы. В поведенческом и интеллектуальном поведении студентов ППС наблюдаются следующие явления. Во-первых, лишение студента непосредственного контакта с преподавателем вызвало вначале перехода к цифровым технологиям интерес, далее стагнацию (застывание интереса) и перешло в стадию безразличия и апатии. Через три недели общения студента в цифровом пространстве у ППС стали возникать вопросы о поиске механизмов привлечения внимания студентов к электронной записи видеолекции и мотивирования достижения успеха при снижении уровня мотивации избегания неудач.

В нарративах ППС отмечается, что для нивелирования этого следует учитывать появление таких ловушек, как *мотивационные ловушки и ловушки исчезновения субъектности*, которые проявляются в когнитивном диссонансе, мотивационной асимметрии и разрушении свойства личности быть субъектом социальных отношений или распорядителем собственных возможностей. Все указанные выше виды институциональных ловушек в цифре приводят к формированию отрицательных эффектов, порой антисоциальных, разрушающих субъектность личности и ее проявления. Отрицательные социально-педагогические эффекты - это усиление тирании должностного административного персонала университета, отраженное в неоправданном усилении контроля и администрирования, формирование типажа «засланного казачка», декларирование очевидных положений, например «необходимость

формирования новых инновационных технологий» и др.

Прибегая к языку метафор (как одного из показателей креативности) в нарративах высказываются об «эффекте богомола» (поедания самкой самца для сохранения потомства), который проявляется в эффекте излишней бюрократизации, мелких оформительских проблемах и формах. Например, это возникает, когда представители одного административного корпуса, например, юридического отдела или учебно-научного отдела университета, противоречат друг другу в понимании очевидных документов, попадая тем самым в юридические, административные, мотивационные и антисубъектные ловушки. Порой даже эти ловушки сочетаются и превращаются в «античеловечные» ловушки.

Заключение. Итак, феномен институциональных ловушек при цифровых технологиях в высшем образовании оказывает в целом, негативное, порой скрытое от внешнего наблюдателя, влияние, «разъедая» систему изнутри и разрушая ценностные ориентации субъектов относительно роли и назначения образования. Каждая институциональная ловушка представляет определенную опасность и вызывает риски для системы высшего образования в контекстах вызовов современности. Так, финансовые ловушки искажают ценности профессиональной деятельности ППС университета и антимотивируют фальсификацию результативности работы, снижая ее эффективность. Административные ловушки порождают лавину бюрократизма и размножают тиранию долженствования, заменяя научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность ППС на антиинновационные формы отчетности и лже-презентабельности чужих результатов, объединяя функции в одном человеке и преподавателя, и исследователя, и администратора, и экономиста, и менеджера, что

заманивает его в систему различных ловушек и потерю смысла образовательной деятельности. Метрические ловушки мотивируют наращивание количественных рейтинговых показателей, заменяя их ложными смыслами и антиценностями.

Ловушки цифровизации приводят к исчезновению живого общения и передачи неявного знания, изменяя способности к эмпатии, переживанию и соучастию и метаморфозируя их в аутические формы общения, определяя разнообразные расстройства и депрессии, формирования недоверия к другим и поиск торжества справедливости, инициируя феномены коллективизации в эпоху цифровизации.

Субъектные ловушки ведут к разрушению субъектности и метаморфозам личности, потери интереса личности к самореализации и самоактуализации. До пандемии мы предполагали, что цифровизация в образовании может привести к повышению уровня субъектности, но мы получили и обратный эффект ее снижения и потери интереса личности к возвращению своей субъектности.

Мы готовы к возражениям относительно резкости суждений, отраженных в нарративах ППС относительно институциональных ловушек в образовании в эпоху цифровизации. Вероятно, это своеобразная реакция ППС на массовое использование технологий цифровизации в образовательной среде вуза в условиях пандемии. Но нужно быть оптимистами и надеяться, что в социокультурном развитии человека многие века особую роль играли *буква и слово* как психологическое орудие развития, а цифра была лишь вспоминающим средством. На этой оптимистической ноте завершим данную статью и рекомендуем ее для всех, кому небезразличны идеи оптимизации и мотивирования деятельности ППС повышения качества жизни и результатов в контекстах профилактики институциональных ловушек в эпоху цифровизации в образовательном пространстве вуза.

Литература:

1. Баскин А.С. Стратегия модернизации и институциональные ловушки / А.С. Баскин // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. - 2009. - № 1. - С. 10-16.
2. Вольчик В.В., Маслокова Е.В. Нарративы, идеи, институты / В.В. Вольчик, Е.В. Маслокова // Terra Economicus. - 2018. - Т. 16. - № 2. - С. 150-168.
3. Вольчик В.В., Маслокова Е.В. Реформы, неявное знание и институциональные ловушки в сфере образования // Terra Economicus. - 2019. - № 17(2). - С. 146-162.

4. Гонтмахер Е.Ш. Российская модернизация: институциональные ловушки и цивилизационные ориентиры / Е.Ш. Гонтмахер // Мировая экономика и международные отношения. - 2010. - № 10. - С. 3-11.
5. Жук А.А. «Диссертационная ловушка» на пути к построению к построению инновационной экономики / А.А. Жук // Вопросы экономки. - 2011. - № 9. - С. 211-133.
6. Жук А.А. Институциональные ловушки в сфере высшего образования / А.А. Жук // Актуальные

проблемы экономики и права. - 2018. - Т. 12. - № 4. - С. 789-799.

7. Жук А.А., Фурса Е.В. Нарративный анализ институциональные ловушки в сфере образования и науки России / А.А. Жук, Е.В. Фурса // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). - 2019. - Т. 11. - № 1. - С. 176-193.

8. Ковалев А.В., Ковалева И.В. Проблема институциональных «ловушек» и теория институтов австрийской школы / А.В. Ковалев, И.В. Ковалева // Журнал международного права и международных отношений. - 2008. - № 2. - С. 80-90.

9. Козлова Н.Ш. Цифровые технологии в образовании / Н.Ш. Козлова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. - 2019. - № 1/40. - С. 85-93.

10. Крамаренко Н.С., Квашнин А.Ю. Психологические и организационные аспекты введения цифрового образования, или как внедрение инноваций не превратить в «цифровой колхоз» / Н.С. Крамаренко // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). - 2017. - № 4. - С. 1-16.

11. Кулебякина Е.С. Риски цифровизации / Е.С. Кулебякина // Русский дом. - 2018. - № 9. - С. 1-10.

12. Малкина М.Ю. Институциональные ловушки инновационного развития российской экономики / М.Ю. Малкина // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). - 2011. - Т. 3. - № 1. - С. 50-60.

13. Морозов А.В. К вопросу о соотносимости понятий "одарённость" и "креативность" в современной психологии / А.В. Морозов // Личность в пространстве и времени. - 2019. - № 8. - С. 136-145.

14. Мухаметзянова Ф.Г., Мифтахов И.И. Феномен субъектности студента в психологии / Ф.Г. Мухаметзянова, И.И. Мифтахов // Казанский педагогический журнал. - 2013. - № 4 (99). - С. 126-130.

15. Мухаметзянова Ф.Г. Студент вуза как субъект учебно-профессиональной деятельности / Ф.Г. Мухаметзянова, А.Ш. Яруллина, В.Р. Вафина, Г.К. Бисерова // Казанский педагогический журнал. - 2012. - № 5-6 (95). - С. 20-27.

16. Полтерович В.М. Институциональные ловушки и экономические реформы / В.М. Полтерович // Экономика и математические методы. - 1999. - Т. 35. - № 2. - С. 3-20.

17. Санникова Т.Д. Институциональные и ресурсные ограничения на пути решения задач перехода к цифровой экономике / Т.Д. Санникова // Вопросы инновационной экономики. - 2019. - Том 9. - № 3. - С. 633-646.

18. Хайрутдинов Р.Р. Субъектно-деятельностная парадигма в магистерском образовании / Р.Р. Хайрутдинов // Казанский педагогический журнал. - 2019. - № 1 (132). - С. 7-9.

19. Цветкова Г.С. К вопросу о видах институциональных ловушек / Г.С. Цветкова // Инновационные технологии управления и права. - 2012. - № 1-2(2). - С. 25-31.

20. Nichols T.M. The death of expertise: the campaign against established knowledge and why it matters. Oxford University Press. - 2017. - 440 pp.

21. Hutter O, Krucken G., Hinger Education Institutions as Organizations / Education in German-Receipt Developments in International Perspective. Springer, Cham 2018. - Pp. 133-176.

References:

1. Baskin A.S. Modernization Strategy and Institutional Traps / A.S. Baskin // Bulletin of the Udmurt University. Series: Economics and Law. - 2009. - № 1. - S. 10-16.

2. Volchik V.V., Maslyukova E.V. Narratives, ideas, institutions / V.V. Volchik, E.V. Maslyukova // Terra Economicus. - 2018. - Т. 16. - № 2. - S. 150-168.

3. Volchik V.V., Maslyukova E.V. Reforms, sloppy knowledge and institutional traps in education // Terra Economicus. - 2019. - № 17 (2). - S. 146-162.

4. Gontmakher E.Sh. Russian modernization: institutional traps and civilizational guidelines / E.Sh. Gontmakher // World Economy and International Relations. - 2010. - № 10. - S. 3-11.

5. Zhuk A.A. "Thesis trap" on the way to building to building an innovative economy / A.A. Beetle // Questions of the housekeeper. - 2011. - № 9. - P. 211-133.

6. Zhuk A.A. Institutional traps in higher education / A.A. Beetle // Actual problems of economics and law. - 2018. - Т. 12. - № 4. - S. 789-799.

7. Zhuk A.A., Fursa E.V. Narrative analysis of institutional traps in the field of education and science of Russia / A.A. Beetle, E.V. Fursa // Journal of institutional studies. - 2019. - Т. 11. - № 1. - S. 176-193.

8. Kovalev A.V., Kovaleva I.V. The problem of institutional "traps" and the theory of institutions of the

Austrian school / A.V. Kovalev, I.V. Kovaleva // Journal of international law and international relations. - 2008. - № 2. - S. 80-90.

9. Kozlova N.Sh. Digital technologies in education / N.Sh. Kozlova // Bulletin of Maykop State Technological University. - 2019. - № 1/40. - S. 85-93.

10. Kramarenko N.S., Kvashnin A.Yu. Psychological and organizational aspects of the introduction of digital education, or how to introduce innovations cannot be turned into a "digital collective farm" / N.S. Kramarenko // Bulletin of Moscow State Regional University (electronic journal). - 2017. - № 4. - S. 1-16.

11. Kulebyakina E.S. The risks of digitalization / E.S. Kulebyakina // Russian House. - 2018. - № 9. - P. 1-10.

12. Malkina M.Yu. Institutional traps of innovative development of the Russian economy / M.Yu. Malkin // Journal of institutional studies (Journal of Institutional Studies). - 2011. - Т. 3. - № 1. - S. 50-60.

13. Morozov A.V. To the question of the correlation of the concepts of "giftedness" and "creativity" in modern psychology / A.V. Morozov // Personality in space and time. - 2019. - № 8. - P. 136-145.

14. Mukhametzyanova F.G., Miftakhov I.I. The phenomenon of student subjectivity in psychology / F.G. Mukhametzyanova, I.I. Miftakhov // Kazan Pedagogical Journal. - 2013. - № 4 (99). - S. 126-130.

15. Mukhametzyanova F.G. University student as a subject of educational and professional activity / F.G. Mukhametzyanova, A.Sh. Yarullina, V.R. Wafina, G.K. Biserova // *Kazan Pedagogical Journal*. - 2012. - № 5-6 (95). - S. 20-27.

16. Polterovich V.M. Institutional traps and economic reforms / V.M. Polterovich // *Economics and mathematical methods*. - 1999. - Т. 35. - № 2. - S. 3-20.

17. Sannikova T.D. Institutional and resource constraints on solving the problems of transition to the digital economy / T.D. Sannikova // *Issues of innovative economy*. - 2019. - Volume 9. - № 3. - S. 633-646.

18. Khayrutdinov R.R. The subject-activity paradigm

in master's education / R.R. Khairutdinov // *Kazan Pedagogical Journal*. - 2019. - № 1 (132). - S. 7-9.

19. Tsvetkova G.S. To the question of types of institutional traps / G.S. Tsvetkova // *Innovative technologies of management and law*. - 2012. - № 1-2 (2). - S. 25-31.

20. Nichols T.M. *The death of expertise: the campaign against established knowledge and why it matters*. Oxford University Press. - 2017. - 440 pp.

21. Hutner O, Krucken G., Ninger Education Institutions as Organizations / *Education in German-Receipt Developments in International Perspective*. Springer, Cham 2018. - Pp. 133-176.

13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования

